

Перстень с сердоликом или беседы с незнакомцем.

С перевала подул холодный ветер, он бросил в лицо Денису пригоршню снежной крупы. Денис вытер лоб тыльной стороной ладони и плотнее запахнул полы тёплого армейского камуфляжа.

Он поёжился и подбросил веток в затухающий костёр. Огонь, сразу обрадовавшись, загорелся веселее, и его языки принялись облизывать прозрачный горный воздух.

Денис положил автомат на колени и достал из кармана куртки мятую пачку сигарет, затем, вынув из пачки одну сигаретку, сунул её между застывшими губами, и, достав лучинку из костра, прикурил.

Когда Денис клал сигареты обратно, рука его наткнулась на что-то холодное. Он пошарил окоченевшими пальцами в мягком сукне, но они натыкались на хлебные и табачные крошки.

- Где же ты? - шептал Денис, - а-а-а, вот он!

И он достал из кармана перстень с камнем. Протёр о рукав куртки и принялся в очередной раз разглядывать его.

Этот перстень он нашёл неделю назад. Под Итум-Кале проводилась войсковая операция. Денис вместе со своими товарищами был задействован в оцеплении. А попросту четыре часа лежал в укрытии, подстелив под себя резиновый коврик снайпера.

Вот тогда то, в самом конце операции. Когда прозвучала команда: « Отбой! Собираемся на базу», всё и случилось.

Митька Коротеев собрался быстренько и засеменял к машине своей прыгающей походкой. А Денис замешкался. Поднимая коврик, он нечаянно задел ботинком толстый корень, торчащий из земли. Вследствие чего грунт осыпался, а под корнем что-то блеснуло. Денис нагнулся, поднял это что-то и не поверил глазам. На ладони лежал тяжелый, наверное, золотой, перстень, витой, с большим ярко-красным камнем и вырезанным на нём надписью восьмиугольной формы. Надпись была выполнена на неизвестном Денису языке, но не на арабском - это точно. Арабскую вязь Денис видел часто. И не на чеченском. Это тоже точно. Над надписью три стилизованных под виноградные гроздья изображения. Денис вертел его в руках и любовался им, пока его не окликнули. А потом спрятал и никому не показывал.

Единственное, что он сделал, так это переписал надпись на бумагу и попробовал выяснить хотя бы что это за язык. Он даже показывал её местному мулле, но тот, окинув надпись взглядом, отрицательно покачал головой. Удача пришла, когда Денис совсем перестал её ждать. В лице сослуживца Моисея Вайсфельда.

- Постой-постой, - сказал он, увидев листок с надписью, - это иврит. Точно иврит. Даже, наверное, идиш. Это древнееврейский язык. Меня дед учил когда-то. Я читал Тору и Талмуд. А надпись называется кабалистической.

Я даже могу попробовать её прочитать.

- Иди ты, - не веря своему счастью, выдохнул Денис, - а ну попробуй, Мойша, век тебе буду благодарен.

- Симха БКР Йосеф А-закен зи, - прочитал Моисей, - всё.

- Я понимаю, что всё! Спасибо, Мойша. Только смысла я не понял.

- Да, я тоже не понял. Но тут так написано. Вообще-то, за точный перевод не ручаюсь, я ж говорю - дед заставлял учить в детстве.

Денис тогда усердно переписал перевод надписи на тот же помятый листок.

Он уже дослуживал второй год армейской службы и готовился к дембелю. Хотя на чеченской войне что-то планировать наперёд было, как почти гадать на кофейной гуще.

Взвод Дениса третий месяц осуществлял пропускной режим на трассе Гудермес - Курчалой. Дорога проходила вдоль ущелья и терялась среди горных круч.

Грелись бойцы с помощью костра и горячего чая. Но ближе к осени ночи стали холодными, а по утрам с неба сыпалась неприятная снежная крупа.

Денис поднял перстень над головой и снова стал любоваться камнем. В отблесках пламени он был ещё красивее и переливался всеми оттенками красного: от ярко-оранжевого до фиолетового и даже лилового.

- Что же это за камень, - подумал Денис, а может быть, даже сказал вслух, надевая кольцо на палец.

- Это сердолик, - ответили ему.

Денис вздрогнул и оглянулся. Рядом с ним сидел человек в чёрном плаще с накинутым на лицо капюшоном. Человек долго шёл по дороге и только что присел к костру. Это было видно потому, как он отряхивает плащ от влаги и садится поближе к огню, вытягивая ноги.

Странно было даже то, что Денис несколько не испугался и не запаниковал, хотя и находился на боевом посту. Слишком простецки вёл себя незнакомец. - Может, из комендатуры приبلудился? - подумал Денис, - комендачи из разведроты тут часто лазают по ночам.

Между тем незнакомец, слегка откинув капюшон, протягивал руку за сигаретой. Денис, оторопев от такой бесцеремонности, тем не менее, достал из пачки ещё одну и протянул ему.

Человек ловко прикурил и откинул спину, разминая затекшие от долгого пути ноги.

- Я говорю - это сердолик, - продолжал незнакомец, хотя его никто не спрашивал, - он предохраняет от беды и помогает сохранить верную и преданную любовь. Сердолик - славянское искаженное сардоникс или сардион. Скорее всего, название произошло от острова Сардиния, где добывали этот минерал. Или же из города Сарды, столицы древней Лидии, откуда камни поступали на мировые рынки. Отличали сердолики цвет, глубокая просвечиваемость и неравномерная окраска.

- Просвечиваемость, – как эхо отозвался Денис.

- Да-да, глубокая, как вы изволили заметить, просвечиваемость. Сердолик приносит удачу тем, кто родился в мае. Вы родились в мае?

- Нет, – Денис замотал головой, – я в апреле.

- А мне посчастливилось родиться 26 мая в четверг, в день Вознесения Господня, на немецкой улице в Москве. Позвольте полюбопытствовать? – и незнакомец протянул руку к перстню.

- Конечно, пожалуйста, – и Денис отдал ему кольцо, сняв с пальца.

Незнакомец поднял перстень над головой, любуясь переливами камня. По его лицу, закрытому капюшоном, а затем и по всему телу пробежала крупная дрожь. Денису показалось, что путник еле удержался, подавив в себе рыдание, но быстро взял себя в руки.

- Камень потому назван сердоликом, что вид его красен, подобно мясу сушеной рыбы сардины. Этот камень весьма блестящ и имеет лечебную силу: врачи им лечат опухоли и раны, полученные от меча, – незнакомец взглянул на Дениса, – я цитирую критского епископа Епифания, вернее его трактат « О двенадцати камнях на ризе первосвященника Аарона», писанный в 4 веке.

Незнакомец снова разглядывал кольцо.

- Перстень-интальо, – прошептал он.

- Интальо?

- Это значит перстень – печатка, – улыбнулся незнакомец. – Этим перстнем, вернее точно таким же я опечатывал личные письма и архивы. И никогда с ним не расставался, считая его своим талисманом. Я носил его на среднем пальце правой руки, рядом с обручальным кольцом. Вот здесь, видите?

- Так значит, у вас было точно такое же?

- Да, – тихо сказал незнакомец и снова кинул взгляд на печатку, – точно такое же, – рассеяно пробормотал он.

- А может быть вам известно, что здесь написано?

- Конечно, известно!

- Мой друг перевёл мне, но я ничего не понял, – и Денис протянул незнакомцу мятый листок.

- Ваш друг совершенно верно перевёл надпись. Видно, что он очень учёный муж.

- Учёный муж? – Денис вспомнил долговязого нескладного Моисея и невольно рассмеялся.

- Меж тем, – несколько не смутившись, продолжал его собеседник, – я могу расшифровать её так: « Симха, сын почтенного рабби Йосифа, да благословенна его память».

- Значит надпись дарственная?

- Наверное. Мне, например, подобное кольцо подарила графиня Елизавета Ксаверьевна. Это было осенью, в сентябре, – тут незнакомец провёл ладонью по глазам, как будто что-то мучительно вспоминая, – да в сентябре, в Одессе. После чего мне пришлось покинуть этот прекрасный город. Меня ждала двухлетняя ссылка, – тут он виновато улыбнулся.

« Где в гаремах наслаждаюсь,

Дни проводит мусульман,

Там волшебница, ласкаясь,

Подарила талисман...» – раскачиваясь, начал читать незнакомец.

- Помните?

- Нет, – и Денис покачал головой, – не помню!

- А вот это: « Храни меня мой талисман,

Храни меня во дни гоненья,

Во дни раскаянья, волненья,

Ты в дни печали был мне дан...»

- Да, что – то такое припоминаю. Это Пушкин?

- Пушкин, – и незнакомец вздохнул, – потом она писала мне. Но я, прочтя, жёг её письма в камине.

- Жгли?

- Я обещал ей. Она была замужем. Её мужем был всеильный губернатор Новороссии и Крыма. Герой отечественной войны. Кстати, по преданиям, и этот перстень его предкам подарил караимский хан Шахин-Гирей, который после был обезглавлен османами за верность русскому царю.

- А потом, что было с вами после?

- Потом, – рассеяно отозвался незнакомец, и румянец залил его щёки, в голосе появились металлические нотки, а по телу вновь пробежала дрожь,- через несколько лет я получил по почте пакет. Я-то знаю, чьих рук это дело! Знаю, государи мои! Ведаете ли, что там было написано? Извольте!

Незнакомец взглянул на Дениса и вновь продолжал.

- «Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великой Капитуле под председательством достопочтенного магистра ордена, его превосходительства Д.Н.Нарышкина, единогласно избрали господина Пушкина коадьютором

великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф Борх». Вы видите? Я и сейчас помню сей пасквиль наизусть. Я прочёл его несчётное количество раз. Ах, Натали! – незнакомец взялся за голову, – если бы знала ты, какой ценой отразится на мне твоё легкомыслие, – незнакомец усмехнулся. – Красавец – корнет кавалергардского полка, двадцати двух лет отроду. Но развязан, необразован, вести же в обществе себя не умел вовсе. И глаза, мне всегда не нравились его рыбы, без тени мысли глаза.

- А дальше, – Денис, не отрываясь, смотрел на незнакомца.

Тот, увидев заинтересованность собеседника, опять протянул руку за сигаретой и, получив её, опять ловко прикурил.

- Вообще, я предпочитаю трубку. Дальше? Дальше я послал этому французишке письмо, в коем вызвал его на дуэль. Вначале ко мне прибежал его отчим, некто Геккерн и умолял меня отсрочить дуэль на сутки, а потом и не две недели. Но всё-таки она состоялась, – тут незнакомец так сдвинул в ладони перстень, что его рука побелела, – а после всё очень и очень прозаично и даже как-то по-будничному: купили пистолеты в магазине Куракина и поехали на Чёрную речку к Комендантской даче. Со мною был мой лицейский товарищ Костя Данзас. Константин Карлович. Он был моим секундантом, за что после пострадал. В те годы уже инженерный подполковник. Ему то и отдал я этот перстень перед дуэлью. Не хотелось мне, чтобы талисман охранял меня от пули. Я остался честен до конца. « Возьми перстень, Костя, – сказал я ему, – коли Бог даст, вернёшь после поединка, а коли, нет, завещаю его тебе, шер ами».

- Его потом отослали на Кавказ, командовать Тегинским полком. Где-то здесь – незнакомец махнул рукой в сторону гор, – он и обронил его в бою. Причём заметьте, – и незнакомец улыбнулся, – как только это случилось, подполковник Данзас посчитал это дурным знаком. После чего спешно уехал с Кавказа, просил отставки. Получил её и умер через много лет в своей постели.

Денис смотрел на незнакомца и картины событий, рассказанных им, проносились у него перед глазами.

- Так значит это ваш перстень, Александр Сергеевич? – тихо спросил он.

Поэт опустил голову в знак согласия.

- Если он ваш, то возьмите его!

- А вам не жалко? – Пушкин вопросительно смотрел на Дениса, – вы меня и так обогрели, да и истории мои выслушали весьма внимательно. Я и так вам обязан.

- Возьмите! Я бы всё равно продал его, вам же он дорог как память.

Пушкин встал, поднял ладонь к глазам, любуясь перстнем. Потом слегка поклонился и пошёл по дороге твёрдой уверенной походкой.

- Дэн, ты чё спишь? – Дениса толкал в бок Митька Коротеев, – иди, твоя очередь на пулемётное

гнездо заступать. А я погреюсь чуток!

- Мить, сейчас по дороге в сторону Курчалоя никто не проходил?

- Ты чё, Дэн, - и Митька покрутил пальцем у виска, - совсем чё ли? Конечно, никто не проходил! Мимо нас и мышь не проскользнёт!

Денис поднялся, взял на ремень холодный автомат, поправил каску и побрёл на пост. Потом остановился и начал шарить по карманам. Ничего не обнаружив, он как будто вздохнул с облегчением и крикнул в темноту.

- Прощай, Пушкин!

Горы ответили ему многократным эхом, а Митька Коротеев загоготал у костра.

- Иди-иди, Пушкин, ещё Арину Родионовну вспомни - проворчал он, подбрасывая веток в огонь, - чего только во сне не привидится.